

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ СНЯТИЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Слезы радости и гордости

27 января 1944 года, когда над Ленинградом прогремел салют в честь снятия блокады, из радиорепродукторов раздался торжественный голос диктора: «Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы». Слушая эти слова, ленинградцы плакали. Может быть, впервые за все 900 дней блокады плакали навзрыд люди, сумевшие преодолеть голод, холод и смерть, сумевшие выжить в нечеловеческих условиях, сумевшие победить.

Накануне 65-й годовщины снятия блокады Ленинграда о тех 900 героических днях вспоминали в Орловском военно-историческом музее, где открылась выставка «Непокоренный Ленинград».

Выставка совсем небольшая — несколько витрин и стенды с фотографиями. В витринах — экспонаты, рассказывающие о жизни блокадного города и о людях, которые отстояли этот город. С пожелтевших довоенных снимков на нас смотрят их глаза — глаза мальчиков и девочек, переживших ленинградскую блокаду, глаза солдат Красной армии и матросов Балтийского флота, защищавших город на Неве. Эта выставка — о них, о тех, кто сегодня живет рядом с нами — о наших земляках.

В одной из витрин — черная матросская бескозырка. Именно такую носил в свои юные годы балтийский моряк орловец Александр Алексеевич Архипов. Во время осады Ленинграда он был командиром артиллерийской батареи Балтфлота, сражался с немцами на Ораниенбаумском плацдарме, участвовал в прорыве блокады.

Еще одна витрина рассказывает о блокадном быте ленинградцев. На центральном месте — хлеб, две небольшие «пайки». Одна — 250 граммов (такую получали по рабочей карточке), другая — вдвое меньше. 125 граммов — такова была дневная норма хлеба для служащих, иждивенцев, детей. В нем почти не было муки — ее заменяли жмыхом, отрубями, целлюлозой.

Этот хлеб — сырой, глинистый, горьковатый на вкус навсегда остался в памяти Вадима Павловича Кузнецова и Юрия Ивановича Комарова, Тамары Андреевны Вилковой и Валентины Александровны Федотовой, переживших блокаду детьми.

А вот Анатолию Михайловичу Кокину не довелось испытать всех лишений, которые выпали на долю ленинградцев: еще до начала блокады его эвакуировали. В осажденном городе остались его родители-медики. Отец был начальником военного госпиталя, мать — врачом-лаборантом. Им, спасшим жизни сотням, а то и тысячам раненых бойцов и жителей города, работавших под бомбежками и артобстрелами, на выставке посвящена отдельная витрина. Один из главных экспонатов на ней — книга, подаренная доктору Кокину благодарными ленинградцами.

Еще в одной витрине стоит небольшая амфора с землей с Пискаревского кладбища в Санкт-Петербурге. Она появилась в музее недавно, в сентябре прошлого года, после визита в Северную столицу орловского совета ветеранов А.А. Костарев и председатель Заровского районного совета ветеранов Г.П. Маркина, оказавшие большую помощь в организации выставки.

Кроме самих участников обороны Ленинграда и жителей блокадного города на открытии выставки присутствовали председатель городского совета ветеранов А.А. Костарев и председатель Заровского районного совета ветеранов Г.П. Маркина, оказавшие большую помощь в организации выставки.

Конечно, это скромная выставка, — сказал, обращаясь к защитникам Ленинграда директор военно-исторического музея С.В. Широков, — но мы всегда помним о вас, о вашем подвиге и будем делать все возможное, чтобы павшие о защитниках великого города Ленинграда, о защитниках нашей страны остались в музее навечно.

В тот день в военно-исторический музей пришли и совсем юные

гости — ученики преподавателя истории Н.А. Поляковой из орловской школы №38. Вот уже четвертый год эти ребята занимаются в историческом кружке, и одно из главных направлений их работы — розыск участников обороны Ленинграда, блокадников и шефство над ветеранами. К открытию выставки, посвященной Дню снятия блокады, они приготовили целую

концертную программу: песни военных лет и стихи — о Ленинграде, о блокаде, о победе... Слушая их в исполнении юных артистов, многие из ветеранов не могли сдержать слез, они плакали, как 65 лет назад, когда в небе над Ленинградом гремели залпы салюта, и слезы радости и гордости за родной город текли по щекам ленинградцев.

Когда закончилась Ленинградская блокада, в городе на Неве осталось полмиллиона жителей. В пять раз меньше, чем в сентябре сорок первого, когда вокруг Ленинграда сомкнулось блокадное кольцо. По замыслу немецких «стратегов», они должны были умереть все — но они выжили. Выжили и отстояли свой город. Голодные, истощенные, обессиленные, измученные бомбежками и обстрелами, они так и остались непокоренными.

«МЫ ИЗ КРОНШТАДТА»

...Незадолго до рассвета ночную тишину кронштадтского неба разорвали орудийные выстрелы. Зенитки с фортов морской крепости и линкора «Марат» били по немецким самолетам: 12 «юнкерсов» на малой высоте шли к Кронштадту с севера. Встретив мощный отпор, самолеты отвернули и сбросили что-то в море — в районе Кронштадтского корабельного фарватера (как выяснилось позже — магнитные мины). Это было перед рассветом 22 июня, где-то в начале четвертого. А уже через два часа командующий Краснознаменным Балтийским флотом адмирал Трибуц подписал телеграмму: «Германия начала нападение на наши базы и порты. Силой оружия отражать противника». Телеграмма была адресована всем соединениям, частям и кораблям Балтфлота. Так для кронштадтцев началась война, о которой многие жители Советского Союза узнают только в полдень из правительственного сообщения.

В июне 1941-го Александру Никуленкову было пятнадцать. Он родился и вырос в Кронштадте. За месяц до начала войны закончил ремесленное училище, получил специальность токаря и устроился на работу на один из кронштадтских заводов. Проработал, правда, недолго — всего несколько месяцев.

В начале осени 1941-го одно из воскресений объявили рабочим днем — завод должен был работать в фонд обороны страны. Утром Александр пришел на рабочее место, но приступить к работе так и не успел: загудели заводские гудки, взвыли сирены — объявили воздушную тревогу. Это было 19 сентября. В тот день немецкие бомбардировщики совершили первый налет на Кронштадт. С тех пор бомбежки не прекращались, воздушные тревоги иногда не отменяли сутками. Целью «юнкерсов» были корабли Балтийского флота, перебазировавшиеся в Кронштадт из Таллина. Однако бомбили не только эсминцы и линкоры: 250-килограммовые бомбы сбрасывали на форты, заводы, жилые дома, больницы.

27 сентября на Кронштадт сбросили 500 бомб, несколько из них упали на военноморской госпиталь — немецкие летчики специально метили в красный крест на крыше. Во время той бомбежки тяжело ранило маму Саши — Анну

Дмитриевну, работавшую в госпитале санитаркой. В тот же день был ранен и сам Александр. Ему оказали первую помощь, и он кое-как добрался домой. А мать появилась только через три дня — слабая и измученная. С тех пор для Никуленковых начались тяжелые времена.

В сентябре 1941 года Ленинград уже был в блокаде. В смертельном кольце оказался и Кронштадт, отрезанный не только от Большой земли, но и от Ленинграда. И так же, как ленинградцы, жители Кронштадта испытывали на себе все тяготы блокадной жизни. К концу блокады в городе не было ни одной семьи, не потерявшей кого-нибудь из близких.

Особенно тяжело стало в ноябре сорок первого. Нормы хлеба тогда были урезаны до минимума: рабочие получали 250 граммов в сутки, все остальные — 125. Саша Никуленков и его мама, раненные во время бомбежки, рабочих карточек лишились — у них остались только 125 «блокадных граммов». Анна Дмитриевна зиму не пережила — умерла в начале февраля 1942-го, а Са-

А.Е. Никуленков.

ша и его младший брат дотянулись до весны. Он, до сих пор удивляется тому, что сумел выжить в ту страшную зиму. Морозы тогда доходили до 40 градусов, улицы скрывались под двухметровыми сугробами, отопления не было, за водой ходили к единственной действовавшей водопроводной трубе — на улицу Урицкого. А еще город постоянно бомбили и обстреливали: только в 1942 году немцы летчики совершили 870 налетов на Кронштадт, сбросив 11 тысяч бомб.

Впрочем, бросали не только бомбы. С неба регулярно падали листовки: на одних были изображены улыбающиеся друг другу Гитлер и Сталин, другие обещали кронштадтцам неминуемую гибель: «Ленинград сроняем с полем, Кронштадт сроняем с морем». Так гитлеровцы пытались сломить волю кронштадтцев к сопротивлению — а они держались. Умирали, но не сдавались. И продолжали сражаться. Из кронштадтских доков уходили на фронт боевые корабли и подводные лодки, кронштадтские моряки бились с фашистами на суше, не пуская врага в Ленинград, рабочие кронштадтских заводов перерабатывали гражданские суда в военные, устанавливали на кораблях обмотку размагничивания. А еще Кронштадт чем мог помогал Ленинграду: в осажденный город поступали топливо и продукты, хотя сами кронштадтцы голодали и замерзали...

Когда наступила весна, на улицах Кронштадта появились закрытые автомобили. В эти автомобили вчерашние школьники, девочки, одетые в военную форму (одной из них была двоюродная сестра Александра Клава Андреева),

грузили трупы умерших зимой горожан. Их отвозили на кладбища — русское, лютеранское, еврейское, воинское. Промерзшую за зиму землю рвали толом, в образовавшуюся яму укладывали тела, затем засыпали. В этих братских могилах нашли свое пристанище многие кронштадтцы, погибшие в блокаду... Той же весной, когда стаял снег и сквозь землю стала пробиваться зеленая поросль, на перекрестке улиц Ленина и Советской установили огромный щит. На щите были нарисованы крапива, лебеда и прочие съедобные травы. Их собирали, варили и ели. Александр Никуленков тоже питался таким варевом — это было хорошее подспорье для голодного паренька. А еще кронштадтцев очень выручала маленькая рыбка колюшка. В мирное время ее и за рыбу-то не считали — так, мелкий морской мусор. В блокаду же из колюшки с лебедой готовили похлебку и раздавали в бесплатных столовых. От этой похлебки у людей раздувало животы, но сколько она спасла от голодной смерти...

Следующая блокадная зима для Александра Никуленкова была не такой тяжелой — ему помогли устроиться на Морской завод слесарем-трубопроводчиком. Свои цеха рабочие не покидали по два три месяца: и работали, и жили там, и, главное, ели — в заводской столовой давали дополнительное питание. А в ноябре 1943-го Александра при-

звали на военную службу — он попал в учебный отряд Балтийского флота, где готовили флотских электриков. Учеба была недолгой — флот остро нуждался в специалистах — и вскоре вчерашний новобранец Никуленков уже выходил в море — на боевые вахты. Служить ему довелось на флагманском корабле — краснознаменном крейсере «Киров», затем — в отряде морских мониторов. Моряки несли дозорную службу у берегов Кронштадта и, как признается сегодня Александр Ефимович, на долгую жизнь не рассчитывали: каждый день ожидали, что их «накроет» немецкая бомба или снаряд. И все же Александр Никуленков дожил. Дожил и до снятия блокады Ленинграда, и до победы. И даже до Германии дошел. Правда, случилось это уже после окончания войны. С конца 1945 по апрель 1947 года Никуленков, закончивший к тому времени старшие курсы в школе связи Балтфлота, служил в немецком городе Росток. Там советские моряки занимались ремонтом и переправкой трофейных немецких судов в Союз.

На флоте он прослужил до 1950 года, потом ему предложили учиться в офицерском училище — и Александр Ефимович сменил военную специальность, связав свою жизнь с авиацией. А когда в начале 1970-х уволился из армии в запас, оказалось, что в Кронштадт возвращаться ему не к кому. Отставным воен-

ным в то время предоставлялось право выбора места жительства — и Никуленков выбрал Орел. И живет здесь по сей день. А в Кронштадте последний раз он был давно — в 1990-м. Никого из своих ровесников, тех, кто вместе с ним пережил войну и блокаду, Александр Ефимович тогда в городе своей юности не нашел. Кто-то, как и Никуленков, уехал из Кронштадта, с кем-то просто не довелось встретиться, а многие уже навсегда покинули этот мир. Но в памяти кронштадтца Александра Ефимовича Никуленкова они живы. Живы все его земляки, которые насмерть стояли на фортах осажденной крепости, сражались на Ораниенбаумском плацдарме, топили вражеские корабли в Финском заливе, работали на заводах, умирали от голода и замерзали в блокадном городе, все те, о ком неизвестный моряк весной 1945-го написал на стене Рейхстага три слова — «Мы из Кронштадта».

ОДНА ИЗ ЧЕТЫРЕХСОТ ТЫСЯЧ

«До какого-то момента они были как все дети, оставались веселыми, изобретательными. Играли осколками снарядов, коллекционировали их... Убежали, прорывались на передовую, благо фронт рядом, рукой подать. Азартно закидывали песком в своем дворе немецкие зажигалки, словно это новогодние шутки... А потом они становились самыми тихими на земле детьми». Это — строчки из «Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина. Строчки о ленинградских детях, о детях блокады.

Когда вокруг Ленинграда замкнулось вражеское кольцо, в городе оставалось около 400 тысяч детей. Восемилетняя Тамара Баранова (Вилкова) была одной из этих четырехсот тысяч.

Во время блокады их семья жила в центре города, на улице Чайковского, недалеко от Таврического дворца. Мать — это мама Екатерина Матвеевна, ее дочери Люся, Тамара и Анечка и мамаин сестра. Ее вывели из Ленинграда в 1942-м. До Ладожского озера — моряк Балтийского флота — был на фронте (с войны он так и не вернулся — в 1943 году умер от ран).

Из своего блокадного детства Тамара помнит многое. Помнит, как в начале блокады вдруг опустели магазины — в них купили все, что можно. Помнит, как разобили продовольственные склады. Помнит и то, как постоянно бомбили и обстреливали их улицу — в квартале отсюда находился хлебозавод. Однажды снаряд разорвался прямо напро-

тив их дома — осколки влетели в окно, один из них попал в подушку, на которой спала крохотная Анечка. Помнит она и то, как ленинградцы начали умирать. Умерли их соседи по коммуналке — вся семья. Умерла тетя Женя, сестра мамино брата. Он погиб где-то подо Мгой, а незадолго до гибели прислал письмо: «Мы здесь со штыками, а у немцев — танки... Не ждите меня...». Их дочь Валя осталась жива, потому что научилась... варить и есть крыс. А тетя Женя так и не смогла...

Екатерина Матвеевна Баранова работала на литературном военном заводе. Находился с адресом мама зашла ей в карман, когда проходила на Ладогу, и попросила: «Пиши! Даже если я не буду отвечать, все равно пиши!». И Тамара писала. Ответ от мамы пришел только в 1944-м. А в апреле сорок пятого Тамара вернулась в Ленинград.

Т.А. Вилкова.

Жизнь в послеблокадном городе была нелегкой: ленинградцы получали еду по карточкам. С одеждой и обувью было совсем плохо. Однако в школу, где училась Тамара, пришли посылки — американцы прислали советским детям, как сказали бы сейчас, гуманитарную помощь. В Тамариной посылке лежала тушенка, котлетка и невиданное по тем временам богатство — туфли. Правда, котфотка оказалась одноразовой — облезла после первой стирки, а туфли были велики размера на четыре. Тамара привязывала их шнурками к ногам и так ходила в школу — других не было...

В то время в Ленинграде было много пленных немцев — по улицам города их везли на какие-то работы. И пока они шли, оборванные и жалкие, ленинградские женщины, пережившие 900 дней блокады, хоронившие своих умерших от голода детей и матерей, сваливали пленным куски хлеба... Жизнь распорядилась так, что Тамара Андреевна, коренная ленинградка, уехала из своего родного города — вот уже много лет она живет в Орле, а в Петербург навещает ее лишь изредка. Но город ее детства всегда с ней. Он живет в ее памяти, в ее сердце, великий город, переживший страшные испытания и оставшийся непокоренным.

Полосу подготовила Татьяна Филева.

Непокоренные